

**ПЕРЕХОД К БЕЗНАЛИЧНЫМ РАСЧЁТАМ В УЗБЕКИСТАНЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ****Sodikova Dildora Tokhirjon qizi***Teacher of the fundamental economic sciences department of International school of finance technology and science sodikova_dildora66@gmail.com*

Аннотация: В статье анализируется процесс перехода Республики Узбекистан к безналичным расчётам в контексте институциональных реформ и поведенческих установок населения. На основе данных Центрального банка Республики Узбекистан, международных организаций и актуального законодательства рассматриваются динамика роста безналичных транзакций, структурные барьеры цифровизации платёжной сферы, а также сравнительный опыт стран СНГ. Обосновывается тезис о том, что переход к безналу в Узбекистане носит не только технологический, но прежде всего институциональный характер — и успех реформы во многом зависит от преодоления исторически сложившегося недоверия населения к банковской системе.

Ключевые слова: безналичные расчёты, цифровые платежи, финансовая инклюзия, теневая экономика, институциональные барьеры, Узбекистан, Центральная Азия.

Abstract: The article analyzes the process of the transition of the Republic of Uzbekistan to cashless payments in the context of institutional reforms and the behavioral attitudes of the population. Based on data from the Central Bank of the Republic of Uzbekistan, international organizations, and current legislation, it examines the dynamics of growth in cashless transactions, structural barriers to the digitalization of the payment sphere, as well as the comparative experience of CIS countries. The paper substantiates the thesis that the transition to cashless payments in Uzbekistan is not only technological but primarily institutional in nature, and that the success of the reform largely depends on overcoming the historically formed distrust of the population toward the banking system.

Keywords: cashless payments, digital payments, financial inclusion, shadow economy, institutional barriers, Uzbekistan, Central Asia.

ВВЕДЕНИЕ

Переход к безналичным расчётам — один из наиболее наглядных индикаторов зрелости национальной финансовой системы. Для стран с формирующимися рынками этот процесс редко бывает линейным: он сопряжён не только с технологическими вызовами, но и с глубокими институциональными противоречиями — между декларируемыми целями государственной политики и укоренившимися привычками хозяйствующих субъектов.

Узбекистан представляет в этом отношении исключительно интересный случай. С одной стороны, страна демонстрирует впечатляющую динамику роста

безналичных транзакций и последовательно выстраивает регуляторную инфраструктуру цифровых платежей. С другой — по данным самого президента страны Шавката Мирзиёева, высказанным в августе 2025 года, доля теневой экономики составляет около 40% ВВП, а по ряду независимых оценок достигает и 48% [20], что свидетельствует о сохраняющейся укоренённости неформальных расчётных практик.

Подписание в декабре 2025 года Указа № УП-246 «О дополнительных мерах по расширению безналичных расчётов и сокращению доли теневой экономики» [19] придало реформе новый, форсированный характер. С 1 апреля 2026 года ряд операций в стране может осуществляться исключительно в безналичной форме. Фактически Узбекистан становится одной из немногих стран мира, прибегнувших к законодательному запрету наличных расчётов в ключевых секторах потребительского рынка [14].

Всё это делает изучение институциональных и поведенческих факторов перехода к безналичию в Узбекистане не только академически значимым, но и практически востребованным.

Теоретические основания

Проблематика безналичных расчётов традиционно рассматривается в рамках нескольких взаимосвязанных исследовательских направлений.

Во-первых, это теория финансовой инклюзии, восходящая к работам Всемирного банка и ставшая особенно актуальной после принятия Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года. Финансовая инклюзия предполагает не просто наличие банковских счетов у населения, но реальную вовлечённость граждан в формальные финансовые отношения — в том числе через использование цифровых платёжных инструментов [World Bank. Digital Development Overview: Uzbekistan. — Washington, D.C., 2024].

Во-вторых, это новая институциональная экономика в традиции Дугласа Норта, акцентирующая внимание на роли формальных и неформальных институтов в формировании поведения экономических агентов. Применительно к платёжной сфере ключевым понятием здесь выступает «институциональное доверие» — готовность индивида вверить свои средства и транзакции формальным организациям (банкам, платёжным операторам, государству). Дефицит такого доверия, как правило, воспроизводит предпочтение наличных расчётов даже при наличии технологических альтернатив.

В-третьих, значительную роль играет поведенческая экономика, описывающая «инерцию» потребительских привычек, неприятие потерь и консерватизм в отношении новых финансовых инструментов. Именно поведенческими механизмами объясняется парадокс, при котором население продолжает предпочитать наличные даже тогда, когда безналичные инструменты объективно удобнее и дешевле.

Наконец, в контексте развивающихся экономик критически важен анализ взаимосвязи между теневым оборотом и наличным денежным обращением:

наличные деньги исторически служат основным инструментом сокрытия хозяйственных операций от государственного контроля [16], что делает переход к безналу одновременно и экономическим, и политическим проектом.

Динамика безналичных расчётов в Узбекистане: статистический срез

Для понимания масштаба происходящих изменений необходимо обратиться к количественным данным. Картина, которую рисует статистика Центрального банка Республики Узбекистан за последние годы, впечатляет, но требует осторожной интерпретации.

Объём транзакций через платёжные организации в 2023 году достиг 85 триллионов сумов, что в 1,6 раза превысило показатель 2020 года. За первые десять месяцев 2024 года было проведено 2,3 миллиарда транзакций на общую сумму 269 триллионов сумов.

При этом структурная картина остаётся неоднозначной. В 2024 году объём оплаты безналом вырос с 38% до 41%, а в первом полугодии 2025 года этот показатель достиг 43%. Иначе говоря, несмотря на впечатляющий абсолютный прирост, наличные расчёты по-прежнему составляют большинство платёжного оборота страны.

Важен и другой индикатор: по состоянию на 1 января 2025 года доля наличных средств в совокупной денежной массе снизилась до исторически минимального уровня в 19,2%, что на 2,3 процентных пункта меньше, чем в 2023 году. Это свидетельствует о том, что монетизация экономики всё активнее переходит в безналичные формы, хотя разрыв с развитыми рынками остаётся значительным.

В 2025 году число безналичных транзакций выросло более чем на 20%, а смартфон стал основным инструментом для платежей и переводов. По данным регулятора, мобильные приложения банков и платёжные сервисы обеспечивают более половины всех операций.

Примечательно, что переход к безналу уже показал измеримые результаты в конкретных секторах. Внедрение безналичной оплаты в общественном транспорте Ташкента позволило увеличить доходы до 644 миллиардов сумов, что на 16% превышает показатели предыдущего года.

Институциональные факторы: от реформ 2017 года к Указу УП-246

Нынешний импульс к цифровизации платёжной сферы невозможно понять в отрыве от более широкого контекста экономических реформ, начатых после 2016 года. Либерализация валютного рынка, снижение административных барьеров для бизнеса, развитие конкурентной банковской среды — всё это создало институциональную почву для роста безналичных расчётов.

Ключевым нормативным документом, определяющим нынешнюю траекторию реформы, стал Указ Президента Республики Узбекистан № УП-246 от 10 декабря 2025 года. Согласно Указу, к 2030 году планируется сократить долю ненаблюдаемой экономики в 1,3 раза, довести безналичные платежи населения в сфере торговли и услуг до 75%, а долю официально занятых — до 64%.

Инструментарий реализации этих целей носит во многом принудительный характер. С 1 апреля 2026 года введён запрет наличных расчётов при покупке алкоголя, табака, недвижимости, автомобилей и товаров дороже 25 миллионов сумов. В торговле и услугах становится обязательным QR-код для приёма платежей.

Впервые в регионе государство не просто стимулирует безналичные платежи бонусами и кэшбеками, а вводит жёсткий законодательный запрет на наличные деньги в сделках, где традиционно циркулируют основные объёмы неучтённого капитала.

Такой подход вполне объясним с точки зрения задач борьбы с теневой экономикой. По словам президента Мирзиёева, доля теневой экономики в стране составляет около 40%. Независимые исследователи называют ещё более высокие цифры — до 48% ВВП [20]. В этих условиях обязательный перевод ключевых секторов на безналичные расчёты выступает не просто технологической модернизацией, но институциональным механизмом легализации хозяйственной деятельности.

Параллельно развивается технологическая инфраструктура. Национальные платформы Uzcard и HUMO формируют инфраструктурную основу для смежных финтех-сегментов: BNPL-сервисов, инвестиционных платформ, цифрового кредитования. Государственная стратегия «Цифровой Узбекистан — 2030» выступает институциональным драйвером этой трансформации.

Поведенческие барьеры: почему наличные не сдают позиции

Если институциональная сторона реформы выглядит относительно стройно, то поведенческая реальность значительно сложнее. Анализ общественных реакций на апрельские изменения 2026 года позволяет выявить несколько устойчивых барьеров.

Исторически обусловленное недоверие к банкам

Важным фактором сохранения теневой экономики исторически служили огромные объёмы наличных денег в обороте — следствие недоверия людей финансовым организациям. Даже когда у граждан появилась возможность сберегать средства, многие предпочитали хранить их «под подушкой», памятуя о судьбе банковских вкладов в 1990-е годы.

Этот поведенческий паттерн — недоверие, сформированное травматическим опытом постсоветской трансформации, — не исчезает по мановению законодательного акта. Он воспроизводится в поколениях и требует длительной работы по восстановлению институционального доверия.

Инфраструктурный разрыв между городом и регионами

Политик Хидирназар Аллакулов указал, что власти недостаточно подготовились к введению новых правил: «Надо было провести подготовительные работы, дать населению время. В самых отдалённых регионах необходимо было создавать условия — обеспечить банкоматами. Не у всех есть пластиковые карты».

Цифровой разрыв между Ташкентом и периферией — не риторическая фигура, а измеримая реальность. Инфраструктура платёжных терминалов, качество интернет-соединения, уровень финансовой грамотности существенно различаются в зависимости от региона, что делает универсальный обязательный безнал источником реальных социальных затруднений для части населения.

Комиссионная нагрузка

Острой темой стал вопрос комиссий при пополнении банковских карт, которые в ряде финансовых учреждений достигают 1–3% от суммы. Такие условия фактически перекалывают дополнительные расходы на пользователей, вынуждая граждан платить за само внесение средств в систему для последующих безналичных расчётов. Центральный банк при этом не вмешивается в тарифную политику коммерческих банков, что создаёт правовую коллизию.

«Цифровая тень»: адаптация неформальных практик

Пожалуй, наиболее тревожным с точки зрения эффективности реформы является феномен адаптации теневых практик к новым условиям. На крупных торговых площадках Ташкента — таких как рынки «Урикзар» и «Ипподром» — продавцы при наличии платёжных терминалов регулярно требуют от покупателей совершать прямые переводы с карты на карту. Подобная практика оставляет транзакции вне государственного контроля: формат личного перевода не позволяет идентифицировать цель оплаты и создаёт условия для сохранения теневой экономики в цифровой форме.

Это явление — «цифровая тень» — ставит под сомнение тезис о том, что обязательный безнал автоматически обеспечивает прозрачность расчётов. Форма платежа меняется, содержание — нет.

Сравнительный контекст: Казахстан и другие страны СНГ

Опыт соседних государств позволяет лучше оценить и потенциал, и риски узбекистанской реформы.

Казахстан демонстрирует, чего можно достичь при последовательной многолетней работе по развитию платёжной инфраструктуры. По итогам 2024 года в Казахстане 98% от количества и 87% от объёма транзакций населения составляли безналичные операции, а число пользователей онлайн-сервисов банков достигло 25,9 миллиона человек.

Разрыв с Узбекистаном (43% безнала в первом полугодии 2025 года против 87% в Казахстане) огромен — но он отражает не только технологическое отставание, но и разницу в исходных институциональных условиях: уровне доверия к банкам, развитости финансовой инфраструктуры, стартовой доле теневой экономики.

Грузия и Азербайджан демонстрируют промежуточные модели, где инструментами стимулирования безнала выступали прежде всего налоговые льготы и кэшбек-программы, а не административные запреты. Их опыт свидетельствует о том, что incentivizing механизмы, при достаточной

последовательности применения, способны достигать сопоставимых результатов с меньшими социальными издержками.

Вывод

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, переход Узбекистана к безналичным расчётам — реальный и измеримый процесс, подкреплённый как рыночными стимулами (развитие мобильных платёжных платформ, рост электронной коммерции), так и государственным регулированием. Динамика последних лет убедительно свидетельствует о том, что этот процесс необратим.

Во-вторых, форсированный, административно-принудительный характер реформы несёт в себе существенные риски. Запреты, введённые без достаточной подготовки инфраструктуры и населения, могут породить не легализацию расчётов, а их адаптацию к новым формам — в частности, замену наличных на неотслеживаемые переводы между физическими лицами.

В-третьих, ключевым долгосрочным фактором успеха реформы остаётся работа с поведенческими установками населения. Доверие к банковской системе восстанавливается медленно — и его нельзя декретировать. Необходима комплексная программа финансового просвещения, снижения комиссионной нагрузки и расширения инфраструктуры платёжных терминалов в малых городах и сельской местности.

В-четвёртых, показательным само по себе то, что Узбекистан предпринял столь радикальный нормативный шаг. Это свидетельствует об осознании властями системного характера проблемы и о политической воле к её решению. Вопрос в том, будет ли эта воля подкреплена институциональными ресурсами и готовностью к диалогу с обществом.

Если ответ окажется положительным, узбекистанский опыт может стать ориентиром для других развивающихся экономик, борющихся с теневым оборотом. Если нет — он войдёт в учебники как пример того, почему принуждение без доверия редко достигает заявленных целей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Центральный банк Республики Узбекистан. Отчёт о состоянии налично-денежного обращения за 2024 год. — Ташкент, 2025. URL: <https://cbu.uz>

2. Указ Президента Республики Узбекистан № УП-246 от 10 декабря 2025 года «О дополнительных мерах по расширению безналичных расчётов и сокращению доли теневой экономики». — Ташкент, 2025. URL: <https://www.norma.uz>

3. Жиянова Н.Э., Рахимбоева С.Р. Цифровое финансирование и финтех как драйверы роста инвестиционных сделок в предпринимательстве // Insurance Market of Uzbekistan. — 2025. — Т. 2. — № 6. — С. 28–32.

4. World Bank. Digital Development Overview: Uzbekistan. — Washington, D.C., 2024.
5. United Nations Conference on Trade and Development. Digital Economy Report 2024. — Geneva, 2024.
6. International Monetary Fund. Fintech and Digital Payments in Emerging Economies. — Washington, D.C., 2023.
7. Юсупов Ю. Неформальная экономика Узбекистана: факторы и механизмы // VOTUM. — 2025. URL: <https://votum.uz>
8. Национальный банк Казахстана. Информационное сообщение о безналичных операциях населения за 2024 год. — Алматы, 2025. URL: <https://www.nationalbank.kz>
9. Роль цифровых платёжных систем в формировании финтех-экосистемы Республики Узбекистан // Muhandislik va iqtisodiyot. — 2025. URL: <https://muhandislik-iqtisodiyot.uz>
10. Фактор теневой экономики в контексте влияния на социально-экономическую систему Узбекистана // КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-tenevoy-ekonomiki-v-kontekste-vliyaniya-na-sotsialno-ekonomicheskuyu-sistemu-uzbekistana>
11. Interfax.ru. В Узбекистане хотят довести безналичные платежи в торговле и услугах до 75%. — 11 декабря 2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1062727>
12. Gazeta.uz. UZCARD: безналичные платежи становятся основой повседневных расчётов. — 25 декабря 2025. URL: <https://www.gazeta.uz>
13. Podrobno.uz. Власти объяснили переход к безналу. — март 2026. URL: <https://podrobno.uz>
14. Азаттык. «В Узбекистане жалуются на неудобства из-за перехода на безналичные платежи. — апрель 2026. URL: <https://www.azattyqasia.org>